

Характерним є розходження між декларованими намірами міністерств освіти та реальністю функціонування системи вищої освіти в трансформаційних країнах, а також між намірами офіційних осіб та їх здатністю втілювати ці наміри у практику Болонського інтеграційного проекту. Дуже часто мотивація приєднання до Болонського процесу має більш “політичний” аніж “освітній” характер”.

Особливої уваги потребує вивчення характеру здійснюваних реформ. Трансформаційні країни стикаються з “подвійним завданням”, а саме – необхідності адаптації системи вищої освіти до загальноєвропейських стандартів, вирішуючи при цьому старі та нові проблеми. Якщо в розвинутих країнах Європи здійснення реформи вищої освіти передбачає зміни функціонального характеру, то для більшості трансформаційних суспільств потрібні глибокі структурні зміни. Болонська конвенція не обгрунтовує критеріїв функціональних і структурних перетворень, не враховує специфіку регіонів їх імплементації. Такий підхід може призвести до “косметичного” характеру запропонованих реформ; потенціальної можливості невірнього трактування деяких положень Болонського процесу, особливо в трансформаційних країнах, до невірнього розуміння поняття “гармонізації”, особливого трактування змісту освіти та пан-європейських схем акредитації та якості.

Поза увагою Болонського процесу залишились питання приватного сектору вищої освіти, розвиток ринкових відносин в освіті. Саме розвиток приватного сектору вищої освіти, що здатен швидко адаптуватись до потреб суспільства, нових ринкових умов є надзвичайно важливим для трансформаційних країн, особливо на тлі постійного недофінансування та недосконалості реформ у вищій школі.

Згідно точки зору переважної більшості вчених, положення Болонської конвенції можуть стати основою порядку денного у здійсненні реформи вищої освіти, надати чіткі та зрозумілі рекомендації стосовно того як і що робити. Тому, проблеми “трансформаційного” виміру, на нашу думку, мають бути визнані, проаналізовані та розроблені у майбутньому аби ці країни могли використати Болонський процес з користю для себе, зупинити розростання прірви між країнами Західної та Східної Європи, та тими, що приєдналися до угоди.

*Годзь Н.Б. – канд. филол. н.  
(Харьков, НТУ «ХПИ»)*

## **ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СВЕТЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ**

Как перед индивидом, так и перед определенными сообществами периодически предстает задача выбора. Хорошо, если выбор производится осознанно и с пониманием целей и возможностей, приобретаемых в ко-



нечном итоге; но вот свободны ли мы в плане этого выбора - это отдельный вопрос. Вопрос государственности и этнической идентичности, пересекаясь, дают самые неожиданные результаты. Исследуя формирование национальной, этнической идентичности и проблемы межэтнических коммуникаций часто упускают из вида факт поливариантности и разнообразия внутри каждого этноса и нации. Подобный недосмотр приводит к упрощенному пониманию формирования и функционирования процессов личностной этнической и нациогосударственных самоидентификаций. В данном контексте важно вспомнить работу Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества», в которой дается интересный сравнительно – сопоставительный историко-культурный анализ становления государственности и национальной идентичности, языковой идентичности [см. 1].

Обговаривая вопрос «Украина в контексте евроинтеграции» следует вспомнить, что во – первых, существует проблема, о которой часто пишут –например М.Рябчук [см. 3], то есть множественность уровней сформированности идентичности внутри одного этноса, во – вторых проблема понимания самого понятия «интеграция». То есть в зависимости от степени осознания своей этнической принадлежности даже у самих представителей украинского этноса (не говоря уже о представителях других этнических сообществ, полноценно живущих в государстве ) вырабатываются разные представления о вопросе целей, возможностей и направлений евроинтеграции. То есть буквально, Европу «ищут» направляя свой взгляд в разные стороны. Немаловажно, что именно мы будем понимать под интеграцией – простое включение в существующее сообщество или более правильное понимание этого термина и отсюда восстановление, восполнение т.е. объединение в одно единое целое. Исследуя фольклор, автором был дан вывод, что даже на этом уровне этнической идентичности для украинцев всегда было характерно уважительное отношение к вопросам государственности и границ других государств. Но это внутренние характеристики. Остается открытым вопрос гетеростереотипов современной европейской общественности относительно членов и расширения границ их представления о «Европе» как таковой. Опять-таки можем сослаться на анализ подобной литературы, проведенный М.Рябчуком [см. 3].

Имеет право провести обсуждение способов освещения и предложений по поводу европейского вопроса, вынесенных научной элитой разных государств. Перспективы евроинтеграции освещаются совершенно противоположно [см. напр. 2,3].

#### Литература:

1. Андерсон Бенедикт. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. Вид. 2, перероб. – К.: Критика, 2001. – С. 271.



2. Киселев Г.С. **Шанс на свободу** (о перспективах открытого общества). // Вопросы философии. – 2004. – №9. С.3-16.

3. Рябчук М. **Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення**. – К.: Критика, 2000. – С.304.

*Знак В.Е.*

*(Харьков, НАУ "ХАИ")*

## **СИСТЕМА ДАТИРОВКИ ДОКУМЕНТОВ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНАРХИЯХ И ЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ**

Важнейшим реквизитом любого древнегреческого документа была датировочная формула. В греческих полисах годовое датирование документов осуществлялось только по имени ежегодно сменяемого верховного магистрата (архонта-эпонима) или жреца наиболее почитаемого божества. Однако в эпоху эллинизма в греко-македонских монархиях, возникших на месте державы Александра Македонского, система датировки документов существенно усложнилась и стала совмещать в себе два принципа летоисчисления – по годам правления царей и по имени жрецов царского культа. Анализ этой датировочной системы позволяет раскрыть малоизвестные аспекты функционирования документной коммуникации в античном мире.

Впервые датировочные формулы указанного типа стали употребляться в Птолемеевском Египте в начале III в. до н.э. Вслед за годами правления царя, которые собственно и определяли дату издания документа, в таких формулах содержалось упоминание жреца культа Александра Македонского и культа представителей правящей династии Птолемеев. При этом личное имя жреца, вопреки греческим традициям, ставилось после его титула, т.е. – после перечисления имен обожествленных монархов. По восшествии на престол каждой новой супружеской пары монархов ее имя добавлялось в титул жреца, а вскоре в документы стали вписывать и имена «специальных» жриц отдельных птолемеевских цариц. В результате к середине II до н.э. датировочные формулы приобрели очень внушительные размеры и, зачастую, стали занимать большую часть документа. Тем не менее, их воспроизводили в обязательном порядке во всех актах, подлежащих официальной регистрации, включая частные контракты купли-продажи и найма на работу, завещания, прошения и т.д. Никакого практического значения этот громоздкий элемент датировки не имел. Судя по всему, он преследовал чисто идеологические цели – распространить царский культ на территории монархии, утвердить сакральный статус правящих царей, подчеркнуть преемственность их власти с властью Александра. Не удивительно поэтому, что все птолемеевские монархи, особенно в период ослабления царской власти во II-I вв. до н.э., стремились как можно быстрее ввести свои имена в титулатуру эпоним-